

У Ю Цуна пока не было возможности вытащить всех коррумпированных червей поодиночке. Он понимал: среди этих людей от тридцати до пятидесяти-шестидесяти лет вряд ли осталось хоть несколько тех, кто сохранил кристально чистую душу.

Чиновничья среда и жажда власти постепенно разъедали их изнутри, заставляя всех без исключения скатываться в пучину всеобщей грязи.

Даже Сюй Цзе шёл к своей цели шаг за шагом, лишь лавируя и изворачиваясь в этом мутном потоке.

Но этот бесконечный круговорот партийной борьбы необходимо было наконец остановить.

В прежней истории Чжан Цун выжил со службы Янь Тинхэ и свёл в могилу Янь Ицина.

Ся Янь прогнал Чжан Цуна, а Янь Сун сжил со свету Ся Яня.

Сюй Цзе избавился от Янь Суна, Гао Гун соперничал с Сюй Цзе, и в конце концов к власти пришел Чжан Цюйчжэн.

Это ведь трудно назвать здоровым круговоротом.

Ю Цун мысленно вздохнул, чувствуя, что помимо своей воли снова ввязался в огромную проблему, от которой теперь нельзя было отступить.

Если не покончить с фракционной борьбой, чиновники так и будут грызть друг друга, думая не о работе, а лишь о том, как бы подсидеть остальных.

По крайней мере, теперь Чжан Цун, наконец поняв, что за ним неустанно следят, покорно сбавил обороты и стал вести себя куда приличнее.

— Конечно, если на этот раз он снова умудрится довести Янь Ицина до смерти, я сорву с этого мерзавца шкуру!

-2-

Младшие и старшие лекари Императорской медицинской палаты были завалены работой по горло — в эти дни у них не оставалось времени даже на то, чтобы присесть и выпить чаю.

Сначала во внутренних покоях ужесточили надзор за императорскими наследниками, изменив порядок и частоту осмотров, а затем из правительственных кругов пришло известие: старым сановникам нужно регулярно проверять пульс для профилактики.

Император отлично понимал, что в эту эпоху не существовало медицинской страховки, но Императорская врачебная палата всё же служила императорскому двору, так что с подобным давлением они вполне могли справиться.

Кто бы мог подумать, что, как только минует Новый год, взрослый господин Лу снова явится сюда.

И на этот злосчастный раз его визит был связан вовсе не с поиском злоупотреблений, а с Играми пяти зверей.

— Император повелел распространить Игры пяти зверей среди обитательниц гарема, чтобы наложницы занимались физическими упражнениями каждый день, — произнося эти ошеломляющие слова, Лу Бин выглядел абсолютно невозмутимым.

— Его Величество приказывает вам как можно скорее вырастить толковых женщин-лекарей. Им также можно будет даровать официальные должности, чтобы они скорее взялись за обучение Играм пяти зверей.

Когда взрослый господин Лу повернулся, висевшая у него на поясе Сабля Сючунь ослепительно сверкнула в лучах солнца.

— Всё ясно?

— Ясно, всё предельно ясно! — торопливо затараторил глава палаты. — Забота Его Величества о здоровье дворцовых наложниц поистине безгранична и милосердна!

Разве вам нужны чьи-то подсказки, чтобы понять, хороша ли Сиэр?

Лу Бин высоко вскинул брови и широким шагом вышел из Императорской врачебной палаты.

Тем временем в Зале Цяньцзюнь Ю Цун неторопливо восседал на главном месте, окинув взглядом чиновников по обе стороны длинного стола, на лицах которых застыло скованное выражение.

Состав остался прежним, за исключением того, что к нему добавился глава одного из министерств.

Теперь высшие чиновники шести министерств третьего ранга в полной мере собрались здесь, да и ключевые фигуры Внутреннего кабинета явились почти в полном составе.

С сегодняшнего дня таков был базовый формат высшего государственного совещания.

— Повесьте доску.

В этот момент Хэну в официальном хабе пятого ранга спокойно и невозмутимо выкатил вперёд классную доску.

Стоило Чжан Цуну мельком взглянуть на это знакомое лицо, как он тут же поперхнулся половиной глотка чая.

— Пейте помедленнее, господин Чжан, чай-то горячий, — Ю Цун протянул руку, поправил на голове Хэну чёрную шапку чиновника и неторопливо произнес: — Это мой секретарь Юй Хэ. Отныне он будет упорядочивать расписание для всех совещаний и обсуждений. Желающие предстать перед моими очами могут самостоятельно записаться в Восточном дворце во Дворце Небесной Чистоты.

Если только не стряслось чрезвычайного бедствия, нечего вламываться во дворец по пустякам и докучать мне — дайте же людям спокойно поесть и выспаться.

— С этих пор время проведения совещаний буду определять я в зависимости от обстоятельств. Секретарь будет рассылать по министерствам красные свитки с расписанием, а вы извещайте друг друга среди коллег. Если кому нужно отпроситься, предупреждайте заблаговременно, иначе это будет расцениваться как халатность.

Хэну лучезарно улыбнулся, слегка поклонился, проигнорировал бесчисленные знаки, которые подавал ему Чжан Фуцзин, и столь же невозмутимо удалился.

— Сегодняшняя повестка дня крайне насыщена. Все вы, следуя прежним требованиям, принесли с собой бумагу и кисти, верно? — Ю Цун бросил взгляд на заваленный чистыми блокнотами стол, остался весьма доволен и мысленно поставил галочку.

Как же неудобно без шариковых и перьевых ручек.

— Итак, сегодняшние темы: составление трех классических сводов и реформа императорских экзаменов.

Не успел Ю Цун договорить, как в глазах некоторых присутствующих зажглось беспокойство.

— Не спешите, — медленно проговорил Ю Цун. — Что касается экзаменов, то согласно разделению властей они должны полностью перейти в ведение Гоцзицзяня. Однако ныне шесть министерств всё ещё не избавились от привычки вмешиваться в дела друг друга, и впредь это тоже придется изменить.

— Выслушайте меня до конца, все до единого, и не спешите поднимать руки, — император выразительно приподнял брови и многозначительно добавил: — С этой секунды никому не

дозволено отвлекаться.

При помощи Хэну он отшлифовал конспект раз пять-шесть, стремясь сделать его предельно кратким и емким.

Хотя у него не было заготовленной речи, следуя пунктам плана, он мог за время сжигания одной ароматической палочки изложить все свои взгляды и растолковать каждое современное понятие.

Государь начал с учреждения технических специальностей, перейдя к замыслу систематизации и изучения медицинских наук, а за половину времени сгорания палочки четко объяснил причины и последствия первоочередного составления трех книг: медицинского, технического и сельскохозяйственного сводов, что до боли напоминало защиту диссертации.

Во время первого совещания он сильно нервничал: перед ним сидела сплошная стена незнакомых людей, да к тому же куда старше его самого.

Но пробыв императором достаточно долго, он постепенно свыкся со своим новым положением и стал уверенно справляться с делами.

— Второе, то есть последний и самый важный пункт на сегодня.

— Отныне императорские экзамены следует разделить на гуманитарное, естественное и военное направления — пусть все три сдаются параллельно.

Мысли о реформе экзаменов Ю Цун вынашивал и подготавливал с самого сентября.

Сначала он планировал составить три книги и использовать их в качестве учебных пособий, чтобы в первую очередь отбирать таланты в инженерной и медицинской сферах.

Но по мере углубления своих познаний он постепенно понял: если уж проводить реформы, то опираясь на современную систему образования, а все плоды его собственных размышлений на ходу вполне могут содержать массу багов.

— Взять хотя бы тот прежний автобус.

Если бы не прямолинейность Сюй Цзе, он бы и вправду опозорился.

Раз У Цзэтянь могла менять экзамены, почему он не мог?

Естественные науки позволяли отбирать людей с высоким уровнем логического и расчетного

мышления.

В эту эпоху еще не развились химия и физика, но их уже было достаточно для формирования постоянно развивающейся системы научных публикаций.

К тому же, попав в создаваемые в будущем Инженерный и Медицинский институты, эти люди неизбежно стали бы первой элитой, способной подстегнуть модернизацию страны.

Что же до военных экзаменов, они в некоторой степени напоминали нынешнюю систему подготовки кадров для национальной обороны.

Правда, поскольку эпоха все еще оставалась эпохой холодного оружия, для отбора действительно требовались одаренные люди, владеющие боевыми искусствами.

Слушая, как император со стройной логикой излагает свой замысел, Янь Ицин невольно почувствовал, как сердце у него ушло в пятки: он понял, что угодил в ловушку.

Соглашаясь ранее возглавить упомянутую императором программу поиска талантов, он действительно хотел лишь выявить одаренных людей в стране и не стал глубоко вдаваться в суть.

Но стоило императору озвучить план разделения экзаменов на гуманитарные и естественные науки, как он внезапно всё понял.

Дела императора никогда не были плодом сиюминутного каприза: он давно просчитал общее направление и грандиозный масштаб, неуклонно и уверенно шаг за шагом двигаясь вперед.

У Ю Цуна во рту пересохло от долгих разговоров, и он наконец не выдержал, остановившись, чтобы сделать глоток воды.

Сидевшие поодаль ученые мужи Внутреннего кабинета тоже больше не могли сдерживаться. С горьким, исполненным боли выражением лица один из них громко воскликнул:

— Ваше Величество! Всё это — лишь растлевающие душу извращения! Увлечение подобным неминуемо погубит государство, Ваше Величество!

Ю Цун, держа в руке чашку из пурпурной глины, бросил косой взгляд и мысленно подумал: ну вот, наконец-то.

В горле у него пересохло от жажды, так что он позволил старому сановнику продолжать свое словоизвержение, молча допивая чашку за чашкой.

Чжан Цун привык держать нос по ветру и совершенно не заботился о морали и долге; Гуй Э, заметив выражение лица Чжан Цуна, благоразумно закрыл рот.

Однако остальные министры, за исключением погруженного в раздумья Сюй Цзе, выглядели смущенными, а на их лицах читалось легкое колебание.

Старый сановник говорил всё с большим воодушевлением, готовый буквально пожертвовать жизнью ради спора с Ю Цуном; казалось, он готов был тут же размозжить себе голову о колонну, лишь бы защитить абсолютную верность неоконфуцианству Чэн-Чжу.

— Конфуцианское учение — это всего лишь политический инструмент, используемый монархами для промывания мозгов идеями верности и сыновней почтительности. Неужели вы и впрямь считаете его воплощением абсолютной справедливости?

Ю Цун бросил взгляд на Сюй Цзе, который, продолжая обдумывать детали, брал кисть и делал пометки в блокноте, и неторопливо осушил свою чааку.

Сюй Цзе хоть и писал, но время от времени бросал взгляды на сидевшего неподалеку Ван Шоужэня, который тоже о чем-то размышлял — глаза его при этом сияли.

Точно ведь.

Сюй Шаоху был истовым приверженцем учения о сердце, а по степени преемственности приходился Ван Шоужэню внучатым учеником.

Говорят, с тех пор как ему представилась возможность воочию увидеть господина Вана, он от избытка чувств даже стал гораздо лучше кушать.

Старый сановник бранил всех подряд уже битый час, по ходу дела отчитав и нескольких присутствующих высокопоставленных чиновников. Выдохшись и растеряв последние силы, он вдруг заметил, что лица у всех вокруг были самыми разными, и лишь немногие старые друзья кивали ему в такт.

А император, бывший главной мишенью критики, с неподдельным интересом разглядывал Сюй Цзе.

— Ваше Величество!!

Ю Цун приподнял веки, опустил чайную чашку и негромко произнес:

— Вы выговорились?

Ученый муж вновь отвесил поклон, вовсе не собираясь останавливаться:

— Благополучие и безопасность государства превыше всего! Нельзя допустить, чтобы это привело к беде!

— Значит, выговорились, — Ю Цун легким взглядом окинул два с лишним десятка присутствующих и неторопливо продолжил: — Я знаю, среди вас непременно найдутся те, кто со мной не согласен.

— Однако я не могу и не располагаю временем, чтобы растолковывать истину каждому из вас по отдельности, — он привычно постучал костяшками пальцев по столу и добавил: — После окончания совещания те, кто согласен — уходят с легким сердцем, а несогласные — остаются.

— Выберите среди себя одного представителя, изложите все свои возражения на бумаге черным по белому и завтра передайте секретарю Юю. Я уделю ему время для личной аудиенции.

Молодой император поднял голову, и в его глазах застыла полуулыбка.

— Только этот один человек. Если он потеряет дар речи и ему нечего будет возразить, вам придется всем разом замолчать и с этих пор унять свои тревоги.

— После каждого общего совещания вы обязаны будете составлять конспект-впечатление, а вернувшись в свои ведомства, проводить второе совещание для передачи духа нашего собрания.

— Сделайте это неизменной традицией и передавайте дальше из рук в руки.

Как только совещание подошло к концу, император удалился довольно быстро.

Он не хотел создавать никому лишней психологической нагрузки — остаться мог абсолютно каждый, и у них в распоряжении были все день и вечер для бурных обсуждений.

Чжао Хуан последовал за ним прямо из зала. На выходе он бросил взгляд на людей, которые тут же принялись яростно спорить между собой, и прибавил шагу, догоняя государя.

— Ваше Величество!

— А? — Ю Цун остановился и моргнул. — Ты хочешь завести речь о рынках и торговле?

— Нет, не об этом, — Чжао Хуан поправил чиновничью шапку и торжественно произнес: —

Дворцовый экипаж уже переделан, не желает ли Ваше Величество взглянуть на него еще раз?

Ю Цун кивнул с улыбкой:

— Министерства общественных работ тут совсем недалеко, давай сразу туда и заглянем.

Раньше Ю Цун набросал чертеж от руки, примерно изобразив форму современного автобуса.

Однако тогдашнее ремесленное мастерство не позволяло по тем каракулям сделать так, чтобы четыре колеса выдерживали всю нагрузку, поэтому сзади пришлось добавить еще две пары осей.

Пятнадцатиметровый автобус крепился на восьми колесах, а все окна были выполнены в виде вентиляционных решеток с защитными перилами — это не только предотвращало случайное падение людей, но и обеспечивало достаточно света и обзора.

Лестницы у передней и задней дверей были спроектированы так, чтобы максимально оптимизировать высоту ступенек и поручни, а внутри салона, в точности как велел Ю Цун, с потолка свисали кольца, чтобы у стоящих пассажиров была опора.

Поднявшись в салон, Ю Цун огляделся по сторонам и с изумленным возгласом всплеснул руками.

Раньше подобные повозки представляли собой единое целое и, подобно зомби, не умели сгибаться посередине.

Но мастера учли тесноту уличных дорог Пекина и всё же смонтировали шарнирную конструкцию.

При повороте такого экипажа передний салон сначала поворачивал сам, а задний следовал за ним следом, причем стыки внутри были подогнаны столь плотно, что задняя часть не заносилась в сторону.

— Зал Чжишэнтам официально откроется послезавтра, — Чжао Хуан посмотрел на Ю Цуна и с некоторой неуверенностью спросил: — А объявление...

— Поручите это Либу. Ныне министром ритуалов ведаёт Чжан Цун, верно?

Гуй Э был переведен им во Внутренний кабинет, а Либу полностью перешло под начало Чжан Цуна.

— Об этом я сам с ним потолкую, — Ю Цун провел рукой по рельефному узору из плавающих карпов на борту экипажа, и его улыбка стала шире. — Обязательно отберите кого-нибудь с зычным голосом и подвешенным языком для вступительного слова, чтобы простым людям было понятно, чем именно мы собираемся заняться.

— А этот экипаж? — видя очарованное выражение на лице императора, Чжао Хуан внутренне с облегчением выдохнул.

Раз императору нравится — слава богу. Он заставлял слуг переделывать всё снова и снова, выравнив и исправив абсолютно все изъяны, до каких только мог додуматься.

— Назовем его автобусом, — Ю Цун поленился придумывать что-то новое и бросил невзначай: — Общественный транспортный экипаж.

— Чертежи бережно храни, а потом передай их в Министерство обороны — пускай подумают, как приспособить это для перевозки солдат, — император потлтер глаза и добавил: — Карту маршрутов потом еще раз покажешь мне на просмотр, расписание должно быть строго привязано к распорядку дня простого люда.

-3-

В последнее время Лу Бин, объезжая с Чжан Цуном поля для изъятия их в казну, стал смутно чувствовать, что что-то здесь не так.

Он начал помимо воли тосковать по императору.

Хотя снега сейчас не было, на улице по-прежнему стояла стужа. Глядя на изморозь на сорной траве посреди полей, он невольно задумывался: не сидит ли император снова, прислонившись к окну, и не простудится ли ненароком?

На чужбине его то и дело звали на пиры и застолья, и стоило людям услышать имя и происхождение Лу Бина, как всё подаваемое на стол тут же возводилось в высший ранг.

По табелю о рангах министр третьего ранга стоял выше легкого кавалериста с наградами, что равнялся младшему третьему рангу.

Но теперь любой в столице, кто хоть немного вращался в чиновничьих кругах, знал, что он происходит из клана Лу из Пинху — той самой семьи, что на протяжении шестисот из поколения в поколение занимала высокие посты.

И пусть Лу Бин принадлежал лишь к одной из боковых ветвей, а его родители давно ушли из жизни, стоило императору осыпать его милостями хоть один день, как все вокруг трепетали перед ним тоже лишь один день.

Взрослый господин Лу не слишком-то обращал внимание на льстивые речи за винным столом, но тут, заметив искусно свернутое блюдо в виде извивающегося дракона, неожиданно произнес:

— Пойдите.

Стоило ему заговорить, как все остальные мгновенно умолкли.

— Это блюдо из дракона родом из Хубэя?

— У вас отменный глаз, взрослый господин Лу, не желаете отведать кусочек? — с улыбкой отозвался кто-то рядом. — Вкус поистине аутентичный, говорят, его рецепт специально привезли из окрестностей Цзянлина!

Лу Бин на мгновение замер, а затем неожиданно улыбнулся.

Страшно было не то, что взрослый господин Лу улыбнулся, а то, что остальные от этого опешили.

Лу Пинху — человек, который обычно отличался суровостью изваяния и никогда не улыбался — ныне выказал столь живые эмоции.

— Эй, послушайте, — небрежно бросил страж Цзиньвей. — Я уйду с пира пораньше, а вы приготовьте мне свежую порцию блюда из дракона и упакуйте в коробку для еды, я заберу с собой.

Ю Цун спал тревожным сном, как вдруг почувствовал до боли знакомый аромат.

В нем смешивались чистая свежесть речной рыбы и неуловимый мясной дух.

Задремавший на кушетке император приоткрылся, открыл глаза и увидел, что Лу Бин, стоя к нему спиной, расставляет на низком столике миски и палочки.

Он принес с собой в дорогу маринованного водяного ореха, пеленого на углях дикого кролика, свежие блюда из гусиных потрохов и прочие кушанья, а также выставил большое круглое блюдо.

На тарелке извивался золотистый дракон, причем даже его голова была вырезана с поразительной детализацией.

— Это привезли из столицы? И вы еще это едите? — Ю Цун набросил ночную одежду, сладко

зевнув, произнес: — Кому пришла в голову такая безумная идея, тот точно жить надоело.

Лу Бин бросил на него взгляд и неторопливо ответил:

— Это блюдо приготовил главный повар нашего поместья, переломав голову, когда ты в детстве ревел и требовал свинины.

Огурцы были нарезаны в форме драконьих когтей, а голова дракона, вылепленная из золотистого теста, источала аромат пшеницы.

Ю Цун усадил его рядом, сначала сделал небольшой глоток чая, чтобы смочить горло, а затем, вооружившись палочками, подцепил кусочек из середины драконьего туловища и с любопытством сунул в рот.

Это блюдо готовилось так: измельченный в фарш рыбный и мясной улов тщательно вымешивали с крахмалом и солью, добавляли яичные белки, зеленый лук и прочие приправы, после чего варили в кипящей воде на сильном огне, заворачивали в яичные блинчики, смазанные свиным жиром, поливали наваристым бульоном, нарезали тонкими полосками и выкладывали в форме дракона.

Этот кусочек сочетал в себе и нежность речной рыбы, и сытную сочность свинины, а яичный белок и желток, насквозь пропитавшие мясо, напрочь убрали излишнюю жирность, пробуждая аппетит ошеломляющим ароматом.

Сначала Ю Цун откусил лишь крохотный кусочек, но затем незаметно умял с рисом добрую половину блюда.

Рыбный фарш был измельчен настолько тщательно, что крупинки совсем не ощущались, однако при внимательной дегустации в этой текстуре рисового хлебца отчетливо угадывался свежий вкус.

А маленький ванский наследник в те годы знал толк в еде.

Осушив пол-миски супа из серебряного карася, он с любопытством спросил:

— Почему нельзя было открыто есть свинину?

Лу Бин протянул руку, поправляя на нем ночной халат, и лениво протянул:

— Ты и впрямь заспался окончательно.

Ах да — чжу! Свинья!

И гадать нечего, наверняка старина Чжу в те времена издал указ, запрещающий простому люду есть свинину.

Однако на любой приказ государя находился свой обходной путь, и всегда находились хитрецы, способные придумать столь ухищренную глупость.

Пусть тело дракона и сияло золотом, но само название — блюдо из дракона — оставляло лазейку на случай любых подозрений.

Ведь этот дракон был низшим из существ, не способным взмыть в небеса, по своему статусу уступая даже превратившемуся в дракона вьюну и едва превосходя местную змею.

Это блюдо вышло за пределы княжеского дворца и докатилось до самого Пекина, так что даже если кто-то и захотел бы придраться к нему, вряд ли осмелился бы поднять шум.

В конце концов, это же было любимое лакомство императора в детстве.

Наевшись досыта, Ю Цун попросту откинулся назад, прислонившись к плечу Лу Бина, и, лениво срыгнув, поднес протянутую Хэну историческую летопись, принявшись за чтение.

В романах описывались лишь томные таланты и красавицы, и даже самые фривольные книги были написаны предельно завуалированным языком.

В эту эпоху не было даже Цветов сливы в золотой вазе, что ужасно огорчало.

Стоило ему прислониться, как тело взрослого господина Лу мгновенно окостенело.

Он отчетливо чувствовал щеку Ю Цуна у себя на плече и его руку, лежавшую совсем рядом с бедром.

От этого тепла его мышцы натянулись струной, и он не смел расслабиться ни на секунду.

Император по-прежнему беспечно перелистывал страницы, и в наступившей тишине раздавался лишь шелест бумаги.

— М? — Ю Цун скосил глаза, наклонив голову, и протянул руку: — У Хэну есть свежие столичные романы, почитать хочешь?

Хэну с удивительной сноровкой тут же протянул еще одну книгу, после чего снова забился в

уголок у печки подремать.

Если он откажется, император испугается, что ему скучно, и решит уйти.

Лу Бин в целом не испытывал интереса к подобному чтиву, но в глубине души почему-то страстно желал, чтобы император побул рядом еще хоть немного.

Стоило тому прижаться к нему, как на сердце воцарялось странное успокоение, полное радости и удовлетворения.

Скитаясь по делам за пределами дворца, в прошлые годы он тоже изредка вспоминал об императоре, но никогда еще эти мысли не были столь частыми, как в последнее время.

Ю Цун весь день провел в хлопотах и сейчас совершенно не желал напрягать мозг, просто полулежа у плеча взрослого господина Лу и неторопливо читая книгу.

Тело охранника Цзиньивей постепенно расслабилось, и он даже осторожно приподнял руку, поддерживая его голову и устраивая поудобнее, чтобы государю было мягче.

Читая, Ю Цун вдруг прыснул со смеху, затрясшись всем телом так, что чуть не рухнул ему на грудь.

Лу Бин моргнул и слегка подался вбок — разумеется, император, словно котенок, покатился вниз, устроившись головой прямо у него на коленях.

<http://bllate.org/book/20063/1984660>